

РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ – ЭТО ЛОЖНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Автор: pavel
01.06.2020 11:24 -

РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ – ЭТО ЛОЖНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Размышление пятое, финальное

[Андрей Карпов](#)

[Православный социализм: pro et contra](#)

31.05.2020 87

[Размышление первое. Что такое капитализм](#)

[Размышление второе](#)

[Размышление третье](#)

[Размышление четвертое](#)

Надо сказать, что просматриваемая конфигурация общества, которую мы определили как рыночный социализм, предусматривающая гарантированный потребительский минимум для каждого и ограниченное количество рабочих мест с более высоким доходом для тех, кто оказался достаточно способным, наглым или просто удачливым, чтобы их получить, к классическому социализму никакого отношения не имеет.

Классическая (марксистская) концепция, в которой социализм – лишь переходная форма, за которой должно последовать глобальное торжество коммунизма, предполагает, что потреблению обязательно предшествует труд. В известной формуле социализма (*от каждого по способностям, каждому по труду*) уровень потребления завязан на личный труд. В коммунистической перспективе личная продуктивность уже не является критически значимой, картина рисуется более широкими мазками: совокупный уровень потребления определяется суммарными результатами труда всего общества. Каждый обязательно должен вносить свой посильный вклад в общее дело. Прогрессивность коммунизма, его рекордная эффективность, позволяющая обеспечить высокий уровень потребления для каждого члена общества, обосновывалась превосходящей производительностью свободного труда. Никакой труд по принуждению

("на дядю") не может показать столь высокие результаты, на какие способен человек, самостоятельно мотивирующий себя к труду. Недаром говорится, что охота пуще неволи. "Правильный" человек должен хотеть трудиться.

В классическом социализме труд выступает мерой справедливости. Ты должен получать пропорционально своему труду. Тот, кто не трудится, – иждивенец. Общество готово брать на себя издержки по обеспечению потребления тех, кто не в состоянии трудиться, но тот, кто способен к труду, но не работает, достоин всяческого осуждения. Подобных тунеядцев советское государство считало преступниками и пыталось "перевоспитывать" (принуждать к труду силой)

[\[1\]](#)

Понятно, что перевоспитание чаще проваливалось, чем имело успех, а труд "из-под палки" был малоэффективным, что не добавляло очков социализму в его конкуренции с капитализмом. Но что оставалось делать, когда практика упрямо не хотела вписываться в теорию?

В соответствии с теорией люди новой формации должны быть сознательными гражданами. Ведь (по теории) психическое представляет собой отражение социального

[\[2\]](#)

. Если в обществе установлены справедливые отношения и организована система правильного воспитания, это означает, что факторы, вызывающие деформацию персонального сознания, устранены, и общество должно воспроизводить духовно здоровых личностей, руководствующихся, прежде всего, своей совестью. Только совесть способна поддерживать постоянную мотивацию человека к труду, сдерживать его в разумных границах личного потребления, побуждать жертвовать собой, если это необходимо для блага общества.

В пределе классический социализм представлялся именно как общество совести, хотя бы уже потому, что коммунистическое общество, к которому он как бы служил преддверием, быть иным просто не могло.

Для рыночного социализма труд вовсе не важен. В его системе справедливость не может быть описана как соотнесённость дел и воздаяния, поэтому дела опускаются и всё внимание сосредотачивается на воздаянии. Справедливо, когда все получают достаточно для хорошей жизни. В идеале все должны получать поровну. Однако сегодня, пожалуй, нет такого человека, который бы не понимал, что идеал этот недостижим. Но вот разрыв в потреблении между богатыми и бедными бросается в глаза, и его хочется сократить – урезав потребление богатым и добавив потребительских возможностей бедным. Собственно, это и есть программа рыночного социализма.

В пределе рыночный социализм предстаёт как общество довольных потребителей. Конечно, в силу того, что потребности тяготеют к постоянному росту, состояния довольства в реальности достичь невозможно. Граждане такого общества всегда будут считать, что получают меньше необходимого. Однако есть и объективный критерий: если уровень потребления людей, находящихся на социальном иждивении, растёт, значит "социалистический" проект развивается успешно.

При этом для рыночного социализма не имеет значения, что представляют из себя члены общества. Человек описывается лишь тем, что он получает и что тратит. В его голове, сердце и душе может происходить, что угодно. Поэтому рыночный социализм отлично сочетается с либеральными взглядами. С точки зрения последних, он оказывается весьма прогрессивным: с обществом рыночного социализма достигается новый модус свободы – человек освобождается от обязанности трудиться. Труд из необходимости превращается в элемент личного выбора. Это противоречит любой

РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ – ЭТО ЛОЖНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Автор: pavel

01.06.2020 11:24 -

классической этике. Традиционное мировоззрение получает очередной удар, а прогрессивная общественность ликует. Новое измерение свободы прикладывается к уже определившимся – таким, как сексуальная распущенность, возможность глумиться над чужими ценностями, свобода не иметь никаких ценностей и авторитетов. Социалисты оказываются в одной компании с агрессивными феминистками, активистами ЛГБТ и всякими другими борцами за права девиантных сообществ. **Социализм попадает в число самых модных трендов современности**

.

С другой стороны, поскольку социальные выплаты по определению имеют адресный характер, увеличение числа их получателей означает рост зависимости населения от государства. Для власти общество становится более прозрачным и управляемым. Проще дёргать за ниточки и добиваться нужной реакции.

Парадокса тут нет, поскольку современный либерализм самым очевидным образом готовит почву для неототалитаризма [3], в котором полная персональная свобода не имеет ценностей и морали будет сочетаться с жёстким преследованием любых систем, пытающихся эту свободу ограничить. И рыночный социализм отлично встраивается в модель этого скорого будущего, к которому нас ведёт реальный социальный "прогресс".

Социалисты всегда относили своё движение к прогрессивным. Они спешили отменить существующее ради построения нового (и, конечно же, лучшего) общества. Их вела логика прогрессизма, в которой новое и означало лучшее. С этой точки зрения, нет ничего хуже, чем отстаивать то, что уже существует, – это означает тормозить развитие [4]

.

И всё же классический социализм был по-своему архаичен. Он апеллировал к понятиям, составляющим ядро мироощущения человека традиции. Новое оказывалось поверхностным, ситуативным, а под ним читались знакомые культурные сюжеты: о труде и воздаянии, долге и подвиге, истине и справедливости, о причастности к большому общему делу и борьбе со злом. Социализм казался такой вселенской уборкой, способной смахнуть вековую грязь и обнаружить под нею настоящего человека и правильное общество – такими, какими они, в сущности, и должны быть, – чистую и прекрасную основу совершенного мира. Классический социализм – это мечта о реставрации подлинных смыслов (или об их пробуждении, поскольку, согласно теории, эти смыслы ещё только следовало обрести). Это – программа перехода от ложного существования, где господствуют искажения и кривые тени, к идеальному, а потому – истинному бытию (или наоборот – истинному, а потому идеальному).

Рыночный социализм обходится без высоких материй. Его интересует, сколько денег в кошельке и какова их покупательная способность. Он обещает достаток, а не пробуждение к истинной жизни. Жизнь эта может выйти не очень-то сладкой, поскольку она непременно потребует каких-то действий (поступков), а современный человек к этому не готов. Ему хочется, прежде всего, получать. И потому он тянется к социализму в его рыночной, а вовсе не классической редакции.

Между тем, различие этих двух типов социализма практически отсутствует. Рассуждения о социализме легко переходят от одного к другому, не замечая разделяющей их пропасти. Нам говорят, что социализм обеспечивал развитие личности, давая людям доступное и качественное образование, сдерживая их пороки и поощряя добродетели, ставя перед человеком подлинно высокие цели, не связанные с обогащением (всё это относится к классическому социализму), и призывают строить социализм, интегрированный в современную мировую экономику, который может быть только рыночным.

Подобное смешение психологически легко объяснимо. Современного человека интересует (прежде всего и преимущественно) уровень потребления. Но он понимает, что чрезмерный прагматизм и меркантильность – это, скорее, недостатки, чем достоинства. Подняв их на своё знамени, сложно чувствовать себя правым. А быть правым хочется. И тут на помощь приходит история социализма, в которой на флаги помещали совсем другие цели. Обращение к истории позволяет дополнить реальные мотивы семантическими конструкциями с очевидно положительными смыслами.

Хороший человек (или, по крайней мере, стремящийся быть хорошим) не может не реагировать на встретившуюся ему несправедливость, пусть порою его реакция оказывается весьма скромной – в виде переживания психологического дискомфорта. Поэтому он действительно был бы рад движению в сторону установления более справедливого общества, и формулы классического социализма такой человек озвучивает вполне искренне. Однако он ждёт, что общее движение к справедливости лично для него обернётся увеличением достатка, хотя, возможно, не готов в этом признаться даже себе. То, что может вести к достатку, получает поддержку в виде его действий, а на долю принципов остаются заявления и намерения. Лозунги классического социализма становятся ширмой, за которой вскармливается рыночный социализм.

Социальная конструкция, к которой приближается современное человечество, предполагает разделение на элиту, состоящую из реальных акторов (субъектов действия, самостоятельно принимающих решения и пытающихся их реализовать), и операционную массу – множество людей, составляющих необходимую среду для самореализации элиты. В экономическом плане единица из этой операционной массы определяется как потребитель, а рыночный социализм оказывается удобным механизмом для воспроизводства нужного количества потребителей. Получается, что **популярность социализма** (в его рыночном варианте) **может быть своего рода маркером общего продвижения к воплощению кошмара из социальных антиутопий**. Чем больше социалистических ожиданий, тем ближе к нам новая реальность.

Очевидно, что заинтересованные лица будут подстёгивать рост социалистических настроений. Собственно говоря, возгонка социализма производится прямо на наших глазах. Она захватывает самые развитые страны, в которых, казалось бы, капитализм прочно укоренён. Но так и должно быть. Дело не в чрезмерной эксплуатации, делающей жизнь трудящегося человека невыносимо тяжкой, – такая мотивация, прописанная у Маркса, принадлежит совсем к другой логике – той, в которой теоретики марксизма представляли себе классический социализм; нет, всё происходит на фоне жизни, по историческим меркам довольно лёгкой. Капитализм и социализм не сталкиваются в смертельной схватке. Осуществляется лишь достройка системы, и как раз наиболее продвинувшиеся в развитии капитализма страны могут позволить себе такую достройку. **Первых побед рыночного социализма следует ожидать именно на Западе.**

У России же есть определённый, исторически выработанный иммунитет. Мы уже имели социалистический опыт. И дело тут не столько в недостатках исторического социализма, сколько в его достоинствах. Память о СССР хранит черты не рыночного, а классического социализма, включая комплекс представлений о человеке. С одной стороны, человек ставился высоко. Согласно официальной идеологии, смысл существования государства состоял в обеспечении потребностей советских граждан. С другой стороны, эти потребности должны были быть правильными.

От человека требовалось многое. Ему следовало совершать одни поступки и избегать других. Причем предполагалось, что побуждать его к выбору нужного действия будет не страх наказания за ненадлежащее поведение, а должное устройство его собственного ума. Обществу и государству было дело до того, что находится внутри человека, в его душе. Существовал образ идеального члена общества ("строителя коммунизма" [\[5\]](#)), к соответствию с которым надо было подталкивать реальность. Воспитание мыслилось как неотъемлемая часть общей системы.

Конечно, подобное внимание к твоему внутреннему состоянию напрягало. Система постоянно переступала границы приватности, потому, собственно, и считалась тоталитарной. В то же время воспитательное давление действительно оказывало позитивный эффект: люди стремились быть лучше. Государство рассматривало нравственные нормы как часть официальной идеологии, что обеспечивало им серьёзную поддержку. Создавались условия для многостороннего развития личности. Это – доступное общее и специальное образование, дополнительное образование, обеспечивающее физическое, эстетическое и физическое развитие, система массового спорта и культурного отдыха, государственное обеспечение развития высокой культуры и цензурные ограничения на распространение образцов дурного вкуса и сомнительной нравственности. Общество активно вкладывалось в человека, не просто давало ему денег, а работало на результат. С точки зрения человека, денег как раз было маловато. Их постоянно не хватало и, как правило, на потребности, лежащие за пределами курса государства на развитие "правильной" личности.

Вот эта историческая память о внимании к человеку и всплывает в сознании нашего соотечественника, когда он слышит слово «социализм». Эти коннотации, эти семантические связи принадлежат другой эпохе и, конечно, другому (не рыночному) социализму. Поэтому, хотя, в силу нашей причастности нынешнему времени, мы и покупаемся на посулы лёгкой жизни, которыми нас заманивает в свои тенета рыночный социализм, мы всё равно чуем, что тут пахнет обманом. Для нас этот социализм – не настоящий. Нам бы хотелось другого. В сущности, русский человек всегда лелеет какую-нибудь несбыточную мечту, – таково свойство нашего национального характера. И это вселяет надежду, что на этот раз мы не окажемся в первых рядах человечества, марширующего в направлении очередного светлого будущего, грозящего обернуться новым тоталитаризмом, а то и царством Антихриста.

[1] Советский Уголовный кодекс содержал статью «о тунеядстве» (так её называли в народе) – 209.1, потом 209 статья УК РСФСР. Официальная формулировка преступления была следующей: «ведение паразитического образа жизни». Предусматривалось наказание – до одного года исправительных работ или лишение свободы на такой же срок. Если же, уже получив наказание, человек не исправлялся, сроки увеличивались – от 1 года до 3-х.

[2] В советской идеологии существовал такой концепт как «Ленинская теория отражения», восходящий к работе Ленина ««Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» (написана в 1908, опубликована в 1909). Характерная цитата из работы: « *Общественное сознание отражает общественное бытие – вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо. Сознание вообще отражает бытие, – это общее положение всего материализма. Не видеть его прямой и неразрывной связи с положением исторического материализма: общественное сознание отражает общественное бытие – невозможно* ».

[3] См.: <http://culturolog.ru/content/view/1606/>

[4] В словаре любого прогрессиста «ретроград» и «консерватор» – это слова-ругательства.

[5] «Моральный кодекс строителя коммунизма» представлял собой часть Третьей программы КПСС, принятой XXII-м съездом в 1961 году. В новую, «горбачевскую» редакцию программы, принятую на XXVII съезде КПСС этот кодекс не вошёл. Требования к конкретному человеку заменили рассуждениями о коммунистической морали вообще.